

Назови свое имя.

— Привет! Как дела, — говоришь ты без паузы, потому что это не вопрос, а привычный оборот речи. — Пойдем в кино! Сеанс через тридцать минут, я взял билеты. Если выйдешь прямо сейчас, мы успеем.

Спасибо за «мы». Ты знаешь, каким словом попасть в ту часть моего головного мозга, которая принимает решения.

— Боюсь, я не успею. Мне надо собраться, — я смотрю на часы и прикидываю, сколько минут я потрачу на «навести марафет», то есть хотя бы ресницы успеть накрасить тушью, и грустно думаю о том, что постиранные джинсы высохли, а вот будь они мокрые, была бы причина отказаться.

— Да? Ну, как хочешь, — как будто мое «успеть собраться» зависит лишь только от желания.

Ты взял билеты, и ты знаешь, что я успею, ты все про меня знаешь.

Я ловлю машину, благо уже глубокий вечер и пробки рассосались.

Короткое модное пальто, по причине спешки, нараспашку. Небрежно наброшенный сверху не шарф даже, а целый палантин, концы которого ветер тут же забрасывает мне на лицо, прилепляясь к свежей помаде на губах — выгляжу шикарно!

— А вы... заплатите? — недоверчиво обращается ко мне водитель машины после того, как я называю адрес.

Он шутит? Или у меня совсем неплатежеспособный вид, или... что? Да тут и ехать-то пять километров.

— Конечно, заплачу, — улыбаюсь я дружелюбно и продолжаю спокойно, будто никуда не спешу: — Сколько?

Водитель называет цену, и я сажусь на заднее сидение.

Он, как нарочно, собирает все красные светофоры, плетется со скоростью сорок километров. Я терплю, но хуже то, что через каждые две минуты он

оборачивается ко мне и повторяет вопрос: «А вы заплатите, да?». На его лице маска мучительного сочувствия. Наверное, он сумасшедший.

— Остановите здесь, пожалуйста! — я прикидываю, что выйду раньше, срезав до нужного мне места через дворы. Это почти центр города, я знаю его как свои пять пальцев.

— Да, лучше вам выйти! — говорит водитель как-то обреченно и останавливает машину. — Вы все равно не заплатите, я сразу понял, таких как вы надо бесплатно возить.

Нет, моему удивлению нет предела!

Я достаю купюру, отдаю ему и выхожу, мягко захлопнув дверцу.

Машина срывается с места: оказывается, водитель умеет ездить гораздо быстрее той скорости, которую он демонстрировал мне.

Я смотрю на часы — сеанс начался, значит, у меня есть минут десять —

столько обычно идет реклама, а через дворы идти минут пять всего. В кармане пищит мобильный — СМС от тебя: «Я оставил твой билет у контролера, второй зал. Назови свое имя».

Иногда меня сильно возмущает твоя уверенность во мне: а вдруг я не поехала, или нет — поехала, села в машину к сумасшедшему, и да — он меня чуть не убил по дороге, а ты даже не позвонил мне, чтобы узнать, чтобы...

Я так хорошо знаю, что бы ты на это ответил. «Да ладно!» — ты бы сказал, что означает: «Такого не может быть, сгущаешь краски». Или еще хлеще, пропустив все мимо ушей: «Ты что-то сейчас сказала?».

Арка во двор забрана чугунной, под старину, решеткой (это, наверное, от чужих машин поставили, двор-то сквозной), но калитка открыта, и я смело шагаю через нижнюю перекладину. Во дворе — майдан, первое, что мне приходит в голову. Огромные бочки, в которых горит смола, — по всей видимости, так они чадят, — расставлены в два ряда и образуют коридор. У каждой бочки — мужчина в черном кожаном фартуке поверх обнаженного

торса помешивает варево большой деревянной палкой. Из-за густого дыма и униформы кажется, что все мужчины похожи друг на друга, но лиц не рассмотреть...

Может, это инсталляция? Рядом группа зрителей или участников: на мужчинах под темными костюмами — белые рубашки с галстуками, женщины в платьях до колена и до полу, на головах — у кого платочки, у кого шляпки. Что-то странное во всем этом: тишина, во двор не проникают звуки с улицы, только гул неясный стоит, неприятный.

Что это? И как реагируют на это светопредставление в такой поздний час жители дома, задаюсь я вопросом, и смотрю на окна, выходящие во двор-колодец. Все окна темны. Значит, проблема с электричеством: авария, поэтому и бочки с кострами, нахожу я логическое объяснение. Но, признаться, представшее передо мной столь внушительно по исходящей негативной силе, что моя попытка объяснения звучит слишком слабым голосом радио в многоголосье ужаса, проникающего в меня.

Мне надо пройти сквозь двор, но ноги упрямо стоят на месте.

— Пятьдесят вторая, дама! — раздается очень низкий мужской голос — густой гудящий бас. Я не вижу его обладателя, зато вижу, как женщина, стоящая невдалеке от меня, вздрагивает и покорно идет через расставленные бочки, туда, откуда слышится голос.

— Восемьдесят седьмая, дама! — гудит голос снова через небольшую паузу, во время которой пятьдесят вторая дама успевает пройти по коридору, образованному бочками, и скрыться в черном дыму.

Что происходит? Дают что-то по спискам, по номерам?

— Извините! — обращается ко мне старушка, — сказали: «Восемьдесят седьмая»? Я не ослышалась?

— Да... кажется, — я чуть разворачиваюсь, пропуская ее вперед.

Она обходит меня, у нее в руках белое полотенце, на нем стоят новые туфли на низком каблуке. Она идет на вызвавший ее голос, бережно неся туфли

перед собой, и тут я замечаю, что она ступает по асфальту в одних хлопчатобумажных колготках или чулочках.

Из ближайшей ко мне бочки вырывается столб огня и дыма. В меня летит пепел. Мужчина, помешивающий в бочке огненное варево, виновато улыбается:

— Извините, тридцать восьмая дама, не рассчитал чуток.

— Это вы мне? Нет, я не из списка... вашего.

— Разве? — он улыбается, как улыбался мой дедушка, когда я давала неправильный ответ на арифметическое действие.

Он только не сказал: «Подумай хорошенько».

О чем подумать?

С какой стати я — «Тридцать восьмая дама»!

Дама.

Тридцать восьмая.

Тридцать восемь... Волосы дыбом — это мой возраст.

— Восемьдесят третий, кавалер! — прерывает мои размышления голос невидимого мужчины.

Я вижу восемьдесят третьего кавалера. Он отделяется от нескольких мужчин и направляется ко мне! Нет, показалось, он направляется туда, куда ушла восемьдесят седьмая дама, но он смотрит на меня, скалится, обнажив голые десны и элегантно жестом фокусника достает из кармана черного костюма пару вставных челюстей: «Ам!».

Я становлюсь изваянием, потому что не чувствую ни рук, ни ног. Мне бы сейчас очень помог твой звонок, мне он даже необходим, но учитывая историю наших взаимоотношений, я на него не рассчитываю. Ты можешь позвонить завтра, или через неделю, не поинтересоваться, почему я не пришла в кинотеатр.

Дрожь пробирает меня: во дворе холодно — холодно даже для осени.

Надо проявить волю. В конце концов, ноги и руки управляются мозгом, значит, я должна приказать им двигаться. Но... подумать о воли и заставить ее действовать — совсем разные вещи.

— Тридцать восьмая, дама! — раздается как выстрел над ухом.

Меня трясет как в лихорадке и, кажется, я даже потею. Это не меня, я здесь случайно, и вообще, все это — дьявольская фантазмагория, усиленно муссирую спасительную мысль, пытаюсь верить в нее безгранично и топаю ногой от злости. Мне удастся! Это победа!

Нога еще кажется ватной, но очень быстро наполняется изнутри вливающимися в нее невидимыми иголками: ой!

Я топаю и топаю об асфальт одной, ужасно болящей ногой, пока другая стоит себе как вкопанная.

Все смотрят на меня: и странные люди в галстуках, в платочках, с туфлями в руках и челюстями в карманах, и мужчины в фартуках, помешивающие огненное варево в бочках.

— Я никуда не пойду! — этот крик души я произношу громовым шепотом.

Повисает абсолютная тишина, все перестают двигаться.

Из черного дыма, двигаясь между бочками с таким пафосом, будто он ступает по красной дорожке, появляется низенький полноватый лысый мужчина. На нем довольно мятый и выдавший виды костюм, под ним — несвежая сорочка.

— Хм! — произносит он.

Это и есть обладатель зловещего *basso profundo*? Он равнодушно смотрит на меня, на группу людей, вынимает из замасленного кармана пиджака нечто, напоминающее песочные часы, перевортывает их, засовывает обратно в карман и вперяет в меня страшный взгляд. Его глаза буравчиками вливаются мне в мозг, продрав его, кажется, навывлет — голова кружится и начинает болеть. Я уверена, что если отведу взгляд, то упаду. Упасть перед

ним? Не дождется, и я выдерживаю этот взгляд, полный холодного змеиного яда.

— Ты же давала заявку?

— Что? Какую заявку?

— На смерть.

Господи, я что, среди сатанистов? Это секта, которая вот так запросто творит свои делишки во дворе дома почти в центре города? Какой бред несет этот придурок: я давала заявку на смерть. Я... сама... заявку...

Это было перед Новым годом. В тот день ты сказал, что не любишь меня, сказал, что не то чтобы никогда не любил, а сейчас не любишь, а что было раньше уже не важно, и предложил остаться друзьями. Я приехала домой одна и долго сидела на диване, глядя в стену, а потом была ночь, и я чувствовала, что это конец, я искала и не находила смысл продолжать жизнь, в которой не будет тебя. И я попросила...

Было.

Не отвертеться.

Все последующие дни, недели, месяцы я жила по инерции, до тех пор, пока ты не позвонил, и все началось снова. Внешне все было как раньше, кроме одного — мы были рядом, но никогда уже не были вместе, ты словно черту провел между нами, которую невозможно переступить.

Каждый раз, когда ты звал меня, я не находила в себе сил отказаться и задавалась вопросом: «Зачем теперь я тебе нужна?». И никогда не получала ответа. Я думаю, ты и сам его не знал. Сколько раз я собиралась закончить эти мучительные для меня (вполне допускаю, что и для тебя) и никчемные псевдодружеские отношения, столько же раз я не решалась это сделать.

Воля, которая с трудом заставила сейчас двигаться одну мою ногу, вероятно, изменила мне в ту ночь, когда я... подала заявку на смерть. А может быть, после той ночи я уже... и не жила больше, а только двигалась постепенно и поступенно каждый день по направлению к этому двору?

— Ну вот и ладненько, — сказал мужчина. — Теперь же все выяснилось?

— Нет!

— И «да», и «нет» — две стороны одного и того же. Приступим. Назови свое имя!

Эти слова! Это же твои слова, ты мне так написал в СМС: «Назови свое имя».

Ты не заехал за мной, ты даже не встретил меня у входа, ты оставил для меня билет у контролера, ты... И вообще...

— И вообще-то, я тебе нужна? — вопрос, который я никогда не задала тебе, я почти прокричала здесь, в этом странном дворе.

— Мне? — мужчина зашелся от хохота. Сначала он покудахтал как курица, затем заржал как конь и затрясся всем телом, сгибаясь пополам и делая какие-то нелепые ужимки. То, что было похоже на песочные часы, выпало у него из кармана и, стукнувшись об асфальт, разбилось, а он все хохотал и хохотал...

...

— Фигня какая-то! Я вообще ничего не понял, — склонившись к моему уху в полутемном зале кинотеатра, сказал ты, разумеется, имея в виду фильм. — Может, уйдем? Ты как?

— Уйдем. Я как раз все поняла. Я не назвала своего имени, — последние слова я вряд ли произнесла вслух.